

* * *

А рассвет... Он нежнее заката.
И прозрачней его синева.
У последнего дома солдата
Расцветает трава-мурава.

Расцветают и ждут первоцветы,
Умываясь рассветной тоской.
— Где ты, вечный солдат мой?
Ну, где ты?
Возвращайся, скорее домой!

И глядит мой солдат с обелиска
На рассвет, на дитя, на траву,
На страну, что не значится в списках,
На великую нашу страну.

* * *

Почему же не спится, любимый?
Скоро зорька, а сна все нет.
Чья-то тень пробирается мимо
Планет.

Шепчут звезды — забудь и будешь.
Стихнет память — утихнет зной.
— О тебе, как при жаркой простуде,
Чуть живой.

Сотни кадров всплывают, душат,
Там, где вместе, туда, где свет,

Где смеялась душа непослушно,
Без бед,

Без огласки, оглядки, отсрочки,
Без опаски родных врагов.
Одинаково ждут одиночки,
Без слов.

— Засыпай, мой любимый, без грусти,
Чистый свет не исчезнет во мгле,
Нас любовь до беды не допустит.
Ни в тебе, ни во мне.

ОДИНОЧКА

Не ищи его.
Что потеряно, не вернуть.
Тихо окна зашторь и ложись.
Завтра будет иное.
Он не принц на коне и себя уже не обмануть,
Ты всегда была одиночкой, а думалось — двое.

Что ты там, торопыжка, придумала? — по судьбе!
По судьбе — только то, что сама, о себе, за собою.
На пороге февраль, дивный враль, все не тот и не те...
Ты всегда была одиночкой, а верилось — двое.

Светлых снов насмотрелась, начувствовалась побед?!
Нахлебалась росы поднебесной — любовь, святое!
Все смелее и проще — быт это тоже свет.
Ты всегда была одиночкой, а чудилось — двое.

Что теперь тебе снится?
— Теперь — взмах огромных крыл.
Если знать, что умеешь, летать над землей — простое!
— Твой любимый тоже умел, только забыл...
Ты всегда была одиночкой, но помнилось — двое.

ЖИЗНЬ

В канун чудес здесь плакал дождь.
Тропинка вязко уплывала
Под сапогами. Не пройдешь.
Но я не знала.

Такой наивный, честный трюк —
Кто понимает, тот смеется —
Красивость платья или живость брюк —
Вперед идти придется.

А рядом люди, сотни рук.
Из невозвратного, иного,
За мрамором загробных мук
Слушали Слово.

И поглощала тишина
Сомненья суетного быта,
У гроба горбилась вина
Открыто.

И кто-то видел здесь жену,
И плакал вместе с дивным хором.
Смотрели сосны в вышину,
Ища опору.

Такой круговорот людской —
Земле признание,
Рождение раннею весной,
И расставаньё...

ПРОСТИ

Прощение прощанию сродни,
Когда отдав свои и боль, и муки,
Несутся двое в космосе разлуки.
Без памяти. Один. Одна. Одни.

Раздваиваясь в натиске причин,
Расслаиваясь в тысячах сомнений,
Не верит он в конец ее сражений,
Она не верит в то, что он один.

И вопреки всем видимым краям,
И всем незримым пропастям и высям,
Она упрямо отрезает мысли,
Он тихо повторяет — «не отдам!».

И нет на этом свете божества,
Которое бы их соединило,
Пока он знает, что проходит мимо,
Пока она не помнит, что жива.

Прощание прощению сродни.
Без памяти. Один. Одна. Одни.

ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

И когда грянет время меж полднем и февралем,
Когда солнце решит напоследок отдать все силы,
Расскажи о дрожании рук когда вы вдвоем,
О сиянии глаз бесконечно родных и милых.

Дай мне слово — не помнить его, не мечтать, не звать.
Не впускать в свою жизнь никого, кто гроша не стоит.
Это просто синдром верных жен — все прощать, и ждать.
Только больше не нужно судьбе вот таких героев!

Что тебе остается?
И что исчезает прочь?
Два неравенства душ,
две сплошные к безумной цели.
Если сердце не просит бежать к нему день и ночь,
Значит сердце не верит и бьется так, как умеет!

А мечты о двоих, о желании — до конца...
Ты смотрела ли в мир?
Небу эти ль события ценны?
Просто жить и любить, вне зависимости от кольца,
Просто радовать мир, просто радоваться вселенной!

Путь все будет как верилось с детства. Сейчас и потом.
Бескрайность лазури, глубокая тайна прибора.
Будет дом с теплым полом и счастье внучатое в нем.
А все остальное, это только лишь — все остальное...

* * *

Девочки лепят кукол,
Девочки шьют им платья,
Девочки строят домики
С окнами в белый сад.

Саду и солнечным бабочкам
Мир девочек не понятен.
Маки рождаются красными,
И по-другому — никак.

БАБОЧКА

Я бабочка, застывшая в окне,
В немой игре меж светом и свободой.
Откуда знать мне было по весне,
Что грянет вдруг ноябрь
Зиме в угоду?

Что будут стынуть крылья на лету,
Исчезнут звуки, запахи мгновенно,
Что в отречение этом обрету
Нектар земной любви
Благословенный...

* * *

У меня без тебя — не пишется, не поется,
Не радостно утро ни в дождь, ни в туман, ни в свет.
У меня без тебя сердце никак не бьется,
Будто этого сердца и вовсе в природе нет.

Есть апрель. Пробиваясь на волю сквозь грязь и серость,
Первоцветы взрывают земное и лечат мир.
Есть степное раздолье в любовь и слепую веру,
И безмерную щедрость к тому, кто на свете сир.

Есть забытая груша. Стоит посреди степного.
Ей не нужно заботы людской, ни дождей, ни бурь.
Ей не нужен апрель. Ничего из земного былого.
Ее ветви, как руки старухи — сквозь был и хворь.

Есть весна. У нее детский смех и упрямство в жилах,
И безумие жизни, что дарит — и в ширь, и вверх.
Есть земная дорога, которую мы заслужили.
Просто, верь!

* * *

День пахнет хризантемой и зимой,
Хоть до зимы еще полсотни дней.
У памяти есть двое — мы с тобой.
У времени — намного все точней.

Оглянешься — и лучше бы не знать!
Вселенная дает одновременно —
Из тысяч глаз — твои глаза не ждать,
Из тысяч спин — твою крестить забвенно.